

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ИЛИ ПРЕДЛОЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Боровкова Ирина Васильевна
К. фил. н., доцент,
Московский государственный
областной университет

STRUCTURAL-SEMANTIC DEPENDENCE OR USE CASE FORMS PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS

I. Borovkova

Annotation

The article deals with structural-semantic conditionality of a particular case forms or prepositional constructions. Nonlinguistic entity determines the grammatical meaning of case. The choice of case will occur automatically according to formal grammatical criteria.

Keywords: case forms, prepositional construction, semantic value, opposition, contextual relationships, case depth.

Аннотация

В данной статье речь идет о структурно-семантической обусловленности той или иной падежных форм или предложных конструкций. Грамматическое значение падежа обусловлено неязыковой сущностью – денотатом. Выбор падежа происходит автоматически по формальным грамматическим критериям.

Ключевые слова:

Падежные формы, предложные конструкции, семантическая ценность, оппозиция, контекстуальные отношения, глубинный падеж.

В настоящее время в немецкой грамматике уже проведено и постоянно проводятся исследования в области стилистики падежа и падежных форм, а также в области структурно-семантической обусловленности какой-либо падежной формы или предложных конструкций. Падежи в немецком языке указывают на наличие синтаксических отношений, которые возникают в определенных синтаксических конструкциях между склоняемыми актантами глагола, или между склоняемыми единицами групп существительного и предложных групп. Падежи характеризуют в синтаксической структуре первоначально подчинительные отношения и отношения зависимости, а также синтаксические функции слов, имеющие падежные формы, то есть основные синтагмы членов предложения (подлежащее, дополнение, сказуемое, обстоятельство), или как определение в словосочетании, где они представляют собой также формы определенного согласования.

Семантическая ценность падежных оппозиций трудно уловима, так как весьма трудно разграничить значение контекстуальных отношений, особенно проявление значимых элементов доминирующего глагола в сочетании с абстрактным значением падежа. Эту оппозицию можно выявить преимущественно в синтаксических связях, в меньшей степени в парадигме, и почти совсем она не определяется в изолированных формах.

Ещё Ч. Филлмор отмечал в своих работах, что само понятие "падеж" ученые исследовали, лишь рассматривая всевозможные семантические отношения, которые

могли существовать между именем существительным и остальной частью предложения. Он утверждал, что смыслы падежей образуют набор универсалий, возможно врожденных, понятий, идентифицирующих некоторые типы суждений, которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него. То есть суждения о вещах такого рода, как "кто сделал нечто", "с кем нечто случилось", "что подверглось некоему изменению". То есть другими словами, воссоздается языковая картина мира [Ч.Филлмор, 1981].

Под картиной мира понимают, прежде всего, представление человека о мире, о человеке, о взаимоотношениях человека и мира, человека и человека. Но картина мира не есть просто набор представлений, но есть их совокупность, которая предполагает взаимосвязанность представлений, их согласованность друг с другом. Языковая картина мира представляет собой часть человеческой культуры, а, в свою очередь, культура есть те языки, которые созданы человеком в процессе его деятельности.

В своих исследования Т.А. Фесенко пишет: "Порождение речевого высказывания представляет собой многоаспектный осмысленный процесс вербального опосредованного формирования мысли, отражающий существующие смысловые связи и отношения предметов и явлений реального мира, а также индивидуума, его социальной и природной среды, причём, репрезентация данного процесса обусловлена структурной организацией коренного языка" [Т.А.Фесенко, 1999:45].

По мнению Ч. Филлмора понять и воссоздать наилучшим образом вербальную языковую картину мира помогают падежи (Ч. Филлмор, 1981):

- ◆ агентив – падеж обычно одушевлённого инициатора действия (идентифицируется с подлежащим);
- ◆ инструменталис – падеж силы неодушевленной или предмета, который включён в действие или состояние, обозначаемое глаголом, в качестве его причины;
- ◆ датив – падеж существа одушевлённого, которое затрагивается состоянием или действием, обозначаемым глаголом;
- ◆ фактив – падеж существа или предмета, который возникает в результате действия или состояния, называемого глаголом, или которое понимается как часть значения глагола;
- ◆ локатив – падеж, которым определяется местоположение или пространственная ориентация действия или состояния, называемого глаголом;
- ◆ объектив – семантически, более нейтральный падеж, падеж чего-либо, что может быть обозначено существительным, роль которого в действии или состоянии, идентифицируемого глаголом, определяется семантической интерпретацией самого глагола.

Как отмечает Ч. Филлмор, важным является то, что ни один из этих падежей нельзя интерпретировать как прямое соответствие поверхностно- синтаксическим отношениям "подлежащее" и "прямое или косвенное дополнение" в каком-либо конкретном языке. Ч.Филлмор в своей работе "Дело о падеже" приводит следующие примеры:

- ◆ Джон открыл дверь;
- ◆ дверь была открыта Джоном;
- ◆ ключ открыл дверь;
- ◆ Джон открыл дверь ключом;
- ◆ Джон воспользовался ключом, чтобы открыть дверь.

В более поздней своей работе "Дело о падеже открывается вновь" Ч. Филлмор связывает понятие глубинных падежей с традициями семантических и грамматических исследований, указывает на те свойства теории падежей, которые считал преимущественно важными, анализирует эту теорию, пишет о том, как узнать о существовании падежей, и каковы они. Его новая интерпретация приводит к такой концепции в рамках грамматических отношений и в рамках семантической теории, сущность которой он определяет следующим положением: "Значения обуславливаются ситуациями".

Ч. Филлмор писал, что понятие глубинных падежей входит в ту область семантики, которую можно назвать внутренней семантикой. В рамках внутренней семантики рассматривается её синтагматический аспект, то есть глубинные падежи можно отнести к такому типу семантических отношений, которые связывают элементы структуры предложения друг с другом в контексте, а не с системой контрастов и оппозиций, служащих различению составляющих в парадигматическом аспекте.

В этой же работе Ч. Филлмора мы читаем о том, что имеется уровень структурной организации предложения, отличный от того, что понимают под семантическим представлением, и отличный от известных понятий глубинного и поверхностного синтаксического представлений структуры предложения. Эта теория связана с определением ядерных грамматических предложений (субъекта, объекта и косвенного объекта), в таком понимании, что он задается вопросом: каким образом конкретные аспекты значения высказывания определяют, какая составляющая выступает в качестве глубинного субъекта, а какая – в качестве глубинного объекта.

Теория падежей даёт частичное описание семантических валентностей глаголов и прилагательных, которое можно сравнить с описанием синтаксических валентностей, о которых говорили в своих работах такие лингвисты как Л. Теньер, Г. Хельбиг и другие.

Ученые представители функциональной грамматики исходят из теории функций, составляющих предложение, различая три вида таких функций: грамматические, к которым относятся понятия "субъекта" и "объекта"; риторические, к которым относятся такие оппозиции, как "данное", "новое", "тема", "рема"; семантические, к которым относятся такие понятия, как "агенса", "адресата", "средство", "результат" и другие.

Ч. Филлмор смешивает грамматические и семантические функции, которые проявляются в предложении, однако он считает, что существует ещё возможность трактовки функциональной структуры членов предложения: ориентация и перспектива. Предмет теории падежей составляет ориентационное, или перспективное структурирование сообщения. Понятие падежа играет во многом другую роль в грамматическом описании, чем считалось раньше.

Падежная рамка "фрейм" – один из важнейших элементов теории глубинных падежей, функция которой состоит в том, чтобы перекинуть мостик между описаниями ситуаций и глубинными синтаксическими представлениями. Она выполняет эту задачу путём приписывания семантико-синтаксических ролей конкретным участникам реальной или воображаемой ситуации, отображаемой предложением. Это приписывание определяет или ограничивает перспективу, налагаемую на ситуацию с помощью таких средств, как "принципы выбора субъекта" и "иерархия падежей". Ч. Филлмор усматривал преимущества глубинного падежа в том, что описания слов и предложений в терминах падежной структуры создаёт уровень лингвистического структурирования, на котором обнаруживаются универсальные свойства лексической структуры и построения простых предложений, и в том, что такие описания интуитивно кажутся в некотором смысле связанными со способами мыслительного отражения того опыта и тех событий, которые люди способны выразить в предложениях своего языка.

В этом случае факультативными составляющими предложения для их определения могут служить падежные рамки, указывающие на те падежные понятия, которые присутствуют в концептуальном содержании предло-

жения; признаки падежных рамок, указывающие на те падежные понятия, которые потенциально могут сочетаться в одной конструкции с данной лексической единицей.

Некоторые учёные предлагают бинарный анализ основных падежей, при этом агенс и инструмент трактуются соответственно как одушевлённая и неодушевленная причина действия, а испытывающее лицо (датель) и пациенс (объект) – как одушевленный и неодушевленный результат.

П. Финкс истолковывал теорию падежей как вариант логики классов. Утверждение о том, что некоторый глагол сочетается с агентом и пациенсом, равносильно, как считает П. Финкс, утверждению о том, что эти два аргумента данного глагола должны обладать различными характеристическими свойствами и что падежи должны определяться в терминах этих характеристических свойств. Агенс – это предмет, обладающий одним набором свойств, инструмент – это предмет, обладающий некоторым другим набором свойств, а пациенс третьим.

Ч. Филлмор отмечал, что концепция глубинных падежей мыслилась не как полная модель грамматики, а лишь как набор аргументов в пользу такого уровня организации предложений, которые можно назвать падежной структурой. Это будет служить импульсом для рассмотрения вопросов, связанных с тем, какой из многих возможных вариантов системы обозначений в окончательном виде обеспечивает наибольшие удобства для выведения обобщений в области типологии языков, классификации лексики, усвоения языка и т.д.

Возможности теории падежей в плане нотации и таксономии входят в одну группу проблем. В свою очередь, таксономия обеспечивает удобную и ясную концептуальную организацию соответствующего множества сущностей, нотация же даёт возможность строить такого рода таксономию простым и прямым способом.

Теория падежей даёт вариант системы обозначений для некоторой теории, либо простой таксономии.

В грамматической теории необходим такой уровень падежной структуры, как уровень семантической репрезентации, что предусматривает в дальнейшем переход к уровням поверхностной структуры с помощью трансформационных правил грамматики. Для грамматической теории необходим такой уровень репрезентации, который включает грамматические отношения субъекта и объекта, или какой-то другой уровень, на котором находит отражение тот вид тесного участия в ядерной части простого предложения, который характерен для субъектов и объектов.

Взгляды лингвистов на степень близости между падежной структурой и семантической структурой различны, у каждого существует свой список падежей.

У некоторых лингвистов принцип отбора падежей состоит в том, чтобы выделять по меньшей мере столько глубинных падежей, сколько существует поверхностных падежей или типов падежных сочетаний. Однако Ч. Филлмор считает, что значения обуславливаются ситуациями, и падежная рамка не обязана охватывать описа-

ние всех релевантных аспектов ситуации, она включает только конкретную часть ситуации.

Любой глагол, выделяющий какой-то конкретный аспект события, диктует включение в перспективу одного или более элементов данного события.

В рамках теории падежей представляется необходимым знать о различных ролях участников ситуации, чтобы узнать, которая из этих ролей или какие их сочетания могут быть включены в перспективу и какая из ролей, включённых в перспективу, должна стать субъектом и какая – прямым объектом.

Всякий раз, когда говорящий употребляет какой либо из глаголов, относящихся к определённому событию, активизируется вся сцена этого события, но при этом конкретное выбранное слово налагает на данную сцену конкретную перспективу. Например:

- а. Мальчик купил две тетради.
- б. Мальчик заплатил продавцу три евро.
- в. Мальчик купил две тетради у продавца за три евро.
- г. Мальчик заплатил продавцу три евро за две тетради.

В "а" упоминается товар и покупатель, но в "б" – покупатель и деньги, в примерах "в" и "г" – информация о других элементах сцены могла бы быть включена через средство неядерных элементов предложения.

Типичным подходом к трактовке элементов предложения, которые обязательны в концептуальном плане и факультативны в плане выражения, является то, что эти элементы присутствуют в глубинной структуре, но опускаются, или получают нулевую репрезентацию, на уровне поверхностной структуры.

Любой конкретный глагол или другое слово предикативного типа задаёт при каждом его употреблении определённую перспективу. Грамматические функции имён, которые обозначают сущности, включённые в перспективу, определяются отчасти иерархией глубинных падежей. Другие части соответствующей сцены могут вводиться с помощью предложных сочетаний разнообразных оборотов и придаточных предложений.

Ещё Ч.Филлмор отмечал, что когда мы выбираем или понимаем языковые выражения, мы имеем или активизируем в нашем мышлении сцены, либо образы, либо воспоминания о том опыте, в контексте которого данное слово или выражение выполняет номинативную, описательную или классифицирующую функцию.

Когда мы понимаем какое-либо языковое выражение любого типа, мы одновременно имеем дело с фоновой сценой и перспективой, налагаемой на эту сцену.

В грамматике современного немецкого языка многие учёные проводили исследования как в области стилистики собственно падежа и падежных форм, так и в области структурно-семантической обусловленности той или иной падежной формы или предложных конструкций. По

мнению исследователей, грамматическое значение падежа обусловлено неязыковой сущностью – денотатом.

Денотатом падежа являются те отношения, в которых величины объективной действительности (денотаты существительных) находятся по отношению друг к другу и к различным явлениям объективной действительности.

Определенные глагольные группировки связаны с определенным падежом, значит и выбор падежа происходит автоматически по формальным грамматическим критериям. Ч.Филлмор утверждал, что смысл падежей образует набор универсалий, идентифицирующих некоторые типы суждений, которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него.

Уместно упомянуть, что вопрос о моделировании предложений в немецком языкознании решается весьма разнообразно. Об этом писала И.–Э.С. Рахманкулова в своей работе "Функциональная грамматика", где отмечала, что различные исследователи по-разному понимают вопрос о соотношении структуры и семантики при моделировании предложений. Й.Эрбен учитывал лишь чисто количественную сторону валентности при описании выделяемых им четырёх основных моделей предложений (J.Erben, 1964). Х. Бринкман при описании моделей предложений с глагольным сказуемым уделял наибольшее внимание семантике глаголов (H.Brinkmann, 1971). В понимании И.–Э.С. Рахманкуловой: "... модель предложения – это единица языка, заключённая в определённую языковую функцию. Формой проявления функции является валентность глагола, т. е. глагольные зависимости в рамках предложения. Выход на денотативно–онтологическую функцию получаем благодаря использованию денотативно–онтологических групп глаголов, отдельные представители которых рассматриваются нами как стержни модели предложения... Мы рассматриваем модели предложений как единство формы и функции, поэтому мы хотели бы нашу модель назвать структурно–функциональной". (И.–Э.С. Рахманкулова (1), 1994:8–9). То есть модель предложения – это минимум структурных средств предложения, носящий самостоятельный характер. Для нас важна не только денотативная смысловоразличитель-

ная функция модели предложения, но и выполняемые ею другие функции, как то, образование фразеологических оборотов и создание дополнительных грамматикализованных значений, которые называются синтагматическими.

В настоящее время падеж немецкого языка освещается со стороны его морфологической структуры, со стороны его синтаксических функций, со створы его обобщённого значения и стилистической характеристики.

Представители когнитивно–коммуникативного направления занимаются смыслами языкового выражения, и в первую очередь анализируют смысл таких сочетаний слов, в которых хотя бы один из компонентов глагол. Они считают, что описание семантики глагола имеет более древнюю традицию, так что существующее толкование глаголов достаточно надёжны.

Смысл языкового выражения является функцией от смыслов его частей и способов их синтаксических соединений.

При рассмотрении практического материала мы учитываем, что падежи могут являться как синтаксическими, семантическими, а также семантико–синтаксическими. Синтаксическими падежами существительных мы называем те падежи, которые определяются исключительно его синтаксической ролью. Ролевые классы, которые участвуют в образовании таких падежей, определяются исключительно синтаксическими ролями. Ролевые классы дают семантические падежи. Семантико–синтаксическими падежами существительных называют те падежи, которые определяются не только его синтаксической ролью, но и семантической.

Наличие таких понятий как, чисто "семантический" и "синтаксический", и "семантико–синтаксический" падеж позволяют по–новому посмотреть на управление некоторых глаголов как: местоположения субъекта в пространстве, ориентированного перемещения объектов в пространстве. И, как показал опыт семантико–структурных исследований, весьма продуктивным оказался подход к функционированию отдельных членов предложения. Здесь следует упомянуть исследования И.–Э.С. Рахманкуловой, А.Е. Гусевой и Г.В. Скрипкиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусева А.Е. Лексикографическое описание фразеологически связанных значений глаголов современного немецкого языка: Дис..канд.филолог.наук. М.,1988.
2. Рахманкулова И.–Э.С. Структурно–синтаксический подход к исследованию немецких фразеологизмов // Коммуникативно–функциональное исследование языковых явлений: Сб. статей. Куйбышев, 1983.
3. Рахманкулова И.–Э.С. Функциональная грамматика. Пособие по немецкому языку. Ч. I– II. Мичуринск, 1994.
4. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Просвещение, 1988.
5. Филлмор Ч. Дело о падеже// Новое в зарубежной лингвистике. М.Прогресс.
6. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Dusseldorf, 1962.
7. Erben J. Abri? der deutschen Grammatik. 8.Aufl.Berlin, 1965.